З А К Л Ю Ч Е Н И Е.

За окном шел снег и рота красноармейцев.
Иосиф Виссарионович отвернулся от окна и спросил:
- Товарищ Жуков, Вас еще не расстреляли?
- Нет, товарищ Сталин.
- Тогда дайте закурить.
Жуков покорно вздохнул, достал из правого кармана коробку "Казбека", и протянул ее Сталину. Покрошив несколько папирос в трубку, главнокомандующий задумчиво прикурил от протянутой спички.
Через десять минут он спросил:
- А как там дела на Западном фронте?
- Воюют,- просто ответил Жуков.
- А как чувствует себя товарищ Исаев?
- Он опять совершил подвиг,- печально сказал Жуков.
- Это хорошо,- сказал Сталин,- я думаю, его стоит повысить в звании.
- И я того-же мнения, товарищ главнокомандующий,- поддержал его Жуков.- Мне кажется, он достоен звания группенфюрера СС...
- Группенфюрер,- задумался Сталин,- это хорошо. У меня как раз для него есть новое задание...

капрал.
- Да пошел ты...
Штирлицу было некогда.
Капрал открыл русско-немецкий разговорник.
- А, это Штирлиц,- произнес он, глядя вслед уходящему разведчику.
"Я - пьяная свинья?!"- удивился Фриц, прислонясь к портьере.
У него начали путаться мысли.
Английский агент внимательно следил за происходящими событиями. Он вышел из-за портьеры и, оправляя передничек, кокетливо позвал:
- Господин адъютант Гиммлера! Вы не могли бы выделить мне несколько минут?
- Извините, фройлен, мне надо спасти Штирлица!
Ударом профессионального боксера "фройлен" свалила адъютанта на пол. Потирая руки и ушибленный кулак, агент присел над бездыханным телом и привычно ознакомился с содержимым карманов. Кроме письма, он прихватил двадцать пфенингов, коробок спичек и гаечный ключ.
Прочитав письмо, агент поздравил себя с повышением и удачно проведенной операцией в Берлине. Не зря он столько дней был переодет женщиной!
На Штандарт-штрассе он быстро нашел дом 15.
- Вот и все,- сказал сам себе агент и вошел в дом.
Дверь за ним мягко закрылась... Потом раздался сдавленный стон и все стихло...
Это была самая удачная шутка Бормана...

Г Л А В А 10.

Штирлиц лежал на пригорке, на развилке железной дороги, и смотрел в бездонное голубое небо. Этот день мог стать последним днем в его жизни. Но Штирлиц был спокоен, потому что знал, что выполняет свой долг, долг не только перед Родиной, но прежде всего перед самим собой.
Штирлиц прикурил последнюю "Беломорину", снял пачку и протер ею ствол крупнокалиберного пулемета.
На горизонте показался эшелон с ежиками...
- А я так и не успел бросить курить,- вздохнул Штирлиц и щелкнул затвором. Паровоз поравнялся со Штирлицем, и первая граната полетела в него.

Айсман и Холтофф поглощали огромный торт, запивая его коньяком.
- А-а-а!!!- Раздалось над ухом Штирлица. Ни один мускул не дрогнул на лице русского разведчика. Ну конечно же, это был Борман.
"Пора уходить",- подумал Штирлиц. Ему оставалось увести Мюллера и пастора Шлага и можно взрывать.
Ковыряя в зубах, Борман позвал:
- Штирлиц, мне надо сказать Вам нечто интересное...
- Борман, а как размножаются ежики?
Борман опешил.
- Ну, это...- он сделал неопределенный жест руками,- еж приводит ежиху и это...- Борман повторил свой жест.
- Понятно,- кивнул Штирлиц,- Вы тоже не знаете, а как Вы думаете, где ежики размножаются быстрее: в России или в Германии?
- Да не волнуйтесь Вы, Штирлиц! Вывезут их всех из России! Уже эшелон идет.
Штирлиц откинулся в кресле.
"Эшелон! Вывезут из России! Да, но ведь тогда в России нарушится биологическое равновесие, и мы, русские, умрем с голоду!"
- Штирлиц,- бубнил Борман,- отойдем, мне надо сказать Вам что-то важное...
- Отстань,- отмахнулся Штирлиц.
В его голове шла огромная мыслительная работа. Штирлиц понял, что спасти ежиков намного важнее, чем уничтожить кучку пьяных офицеров, которые и так когда-нибудь умрут.
Борман, видя, что Штирлицу не до него, огляделся вокруг и заметил Фрица.
"Адъютант Гиммлера",- подумал он и позвал:
- Фриц! На минуточку!
И, схватив пальцами за медную пуговицу на мундире адъютанта, жарко зашептал.
- Фриц! Вы хотите помочь Штирлицу?
- Ясный пень! Это мой лучший друг. Я с ним пил на брудершафт!
- Понимаете ли, у Штирлица связь с Евой Браун...
- Понимаю,- кивнул Фриц.
- А об этом проведал сам Кальтенбрунер! Может случиться беда! Надо спасти Штирлица!
- Я готов,- вытянулся Фриц.
- Передайте Штирлицу это письмо.
Борман отпустил пуговицу на мундире Фрица и тайком сунул ему за пазуху конверт.
Штирлиц пробирался к выходу.
Окрыленный Фриц догнал его только около двери.
- Господин штандартенфюрер! Я должен...
- Ничего Вы мне не должны!- оттолкнул его Штирлиц.
- Пьяная свинья!
На улице к Штирлицу пристал патруль.
- Позвольте документы, господин офицер,- сказал плешивый

на тротуар, обнаружил, что забыл письмо на столе.
"Во время вспомнил,- похвалил он себя,- грех еще жаловаться на память."
Ему пришлось вернуться за письмом, и он опоздал.
Штирлиц нервничал. Его настораживало отсутствие Бормана, который ему был необходим для начала задуманной операции. Рядом с задумчивым Штирлицем сидел Мюллер, проверяя на свет кружку с пивом.
- Что бы Вы не говорили, Штирлиц,- скептически сказал он,- а баварское пиво в три раза лучше "Жигулевского".
- Ясный пень,- буркнул Штирлиц.- Но где же Борман? Небось опять задумал очередную гадость!
- Ежу понятно,- согласился Мюллер,- он без этого не может.
"Причем же здесь еж?"- задумался Штирлиц. Это слово он уже слышал. И тут он догадался! Ведь "еж" по-емецки - "игель"! А "ежики" - "игельс"! А именно так называлась таинственная операция вермахта, над разгадкой которой он так долго бился.
Штирлица сбило с толку множественное число.
"Что-то связанное с ежиками! Ну, теперь я у них выпытаю!"
- Ежу?- переспросил Штирлиц.
- Да, да, этому, с иголками...
- Кстати, Мюллер, а как-же тогда размножаются ежики?
- Спросите у Кальтенбрунера.
- А он скажет?
- Никто не знает, что скажет Кальтенбрунер,- философски изрек Мюллер.- А все-таки, Штирлиц, что бы Вы не говорили, баварское пиво даже в шесть раз лучше "Жигулевского".
- Ясный пень,- буркнул Штирлиц и замолчал.
Вокруг Штирлица кругами бродил восхищенный адъютант Гиммлера Фриц, старательно прислушиваясь к каждому слову своего кумира.
- Ясный пень...- Конспектировал он.
Английский агент фотографировал из-за алтаря странички записной книжки Фрица.
В зале было довольно-таки мало офицеров. Большинству захотелось попробовать себя в роли исповедников, и они разбрелись по комнатам вместе с прихожанками пастора Шлага. Остальные развлекались, как умели.
Геринг и Геббельс раскачивали за руки и ноги Шелленберга, а Гиммлер считал:
- Аинц, цвай, драй!!!
Чем-то недовольный Шелленберг, крича, что он готов жизнь отдать за великого Фюрера, перелетел через алтарь и оседлал английского агента.
- Н-но!!!- Заорал Шелленберг,- эскадрон, за мной!!!
Английский агент для конспирации сделал вид, что он ничего не заметил.
Геринг и Геббельс оттащили Шелленберга от агента, и снова послышалось:
- Айнц, цвай, драй...
Агент предусмотрительно шмыгнул за портьеру.

"Дорогой Штирлиц!

Я Вами весьма интересуюсь. Приходите сегодня по адресу

Штандарт-штрассе, 15.

Нетерпеливо жду.

Е.Б. "

- Краткось – сестра таланта,- порадовался Борман и, повизгивая от восторга, написал на конверте: "Штирлицу."
Борман все тщательно обдумал. Эта шутка должна была стать апофеозом его творческой деятельности, его лебединой песней.
По указанному адресу все было устроено так, что Штирлица обратно принесли бы на носилках.
Борман тихо хрюкнул и представил в уме эту картину.
Причесанный Штирлиц с букетом роз и во фраке входит в дом номер 15, дверь за ним закрывается. Штирлиц нежным голосом зовет в темноту: "Евочка!!!"... И падает, поскользнувшись на натертом оливковым маслом полу. При падении он задевает за веревочку, и на него падает небольшая пудовая гиря. Большую Борман достать не мог. Двухпудовую, правда, он видел у Геринга, но тот, озлобренный проделкой с чернильницей, выставил Бормана за дверь.
Итак, как только гиря падает на Штирлица, дверь автоматически запирается, срабатывает часовой механизм, и открывается газовая камера.
- Хы, хы!- зашелся от смеха Борман и осекся,- А что, если Штирлиц не поймет, что такое "Е.Б."?
Борман задумался.
- Штирлиц тогда никогда не пойдет по этому адресу...
Партайгеноссе представил, как в дом никто не входит, гиря не падает,газовая камера простаивает. А ведь на ее испытание Борман угробил половину 6-го барака концлагеря "Равенсбрюк"!
С досады Борман чесал лысину до тех пор, пока его не осенило. Он снова наслюнявил карандаш, зачеркнул слово "Штирлицу" и подписал "Штирлицу от Евы Браун."

- Теперь все в порядке!
Да, эта шутка должна стать самой веселой шуткой Бормана.
Партайгеноссе встал и взглянул на часы. Пора было ехать на званный вечер, организованный Штирлицем.
Борман сел в машину, щелчком по макушке дал щоферу понять, что надо ехать.
Машина поехала.
Подкатив к церкви, Борман открыл дверцу и, уже занося ногу

молчит. Надо их всех убрать, и все будет в полном порядке. А для этого надо собрать всю верхушку рейха вместе, в церкви у Шлага, приманить их наличием женщин и водки и взорвать... Динамит у меня есть..."
В голове Штирлица нарисовался четкий план. Тепер он знал что делать. "А потом я узнаю, что такое операция "Игельс" и доложу Центру."
В дверь позвонили.
- Кто там?
- Свои.
- "Айсман",- подумал Штирлиц.
Горничная открыла дверь.
- Здравствуй, милашка,- сказал Айсман и, похлопав ее по щеке, устремился в туалет. Из туалета донесся его облегченный голос:
- Между прочим, Вы не слышали, Штирлиц, Борман налил в чернильницу Герингу серной кислоты, и тот испортил доклад фюреру!
Айсман вошел в комнату, поправляя подтяжки.
- Понаставили, сволочи, платных сортиров за 10 пфенингов, я и думаю: дай, зайду к Штирлицу. Где тут у тебя "Беломорчик"?
Штирлиц кивнул на сервант.
Айсман выдвинул ящик, положил пачку "Беломора" в карман мундира и достал папиросу из уже открытой пачки.
Горничная, прекрасно зная привычки господина штандартенфюрера, внесла поднос с кофе.
- Айсман,- спросил Штирлиц,- как Вы относитесь к женщинам?
- Я к ним не отношусь,- сострил Айсман,- а когда?
- Например, в четверг.
- А где?
- В церкви моего пастора.
- В церкви?- с сомнением спросил Айсман.
- А что?- сказал атеист Штирлиц,- он к четвергу ее переоборудуешь, пригласим еще кого-нибудь, чтоб не было сплетен.

- Бормана будем приглашать?
- Обязательно! Без него скучно.
Айсман составил списки, кого приглашать, а кого не надо. Штирлиц одобрил оба списка, прекрасно зная, что те, кого не пригласят, явятся сами.
Когда Айсман ушел, Штирлиц снова потянулся за томиком Сталина.
- Интересно, что скажет по этому поводу Кальтенбрунер?
Часы пробили одиннадцать. Через пять минут к нему постучалась горничная, хорошо знающая привычки Штирлица.

Г Л А В А 9.

Хитроумный Борман слюнявил химический карандаш и почерком Евы Браун писал послание Штирлицу.

"А что скажет по этому поводу Кальтенбрунер?"
Двое эсэсовцев, ожидая драки, достали недавно отлитые кастеты. Все находились в томительном ожидании.
Подошедший официант подал Штирлицу бумажку, на которой было написано:
"Штирлиц - скотина и русская свинья!" И только он один мог догадаться, что ему присвоили звание Героя Советского Союза.
Штирлиц заказал вальс "Амурские волны" и пригласил радистку на тур.
"Ну, сейчас начнется!"- потерли руки эсэсовцы. Теперь им все стало ясно.
Но вальс кончился, Штирлиц проводил даму на место, а драки все не было и не было.
Завсегдатаи были совсем шокилованы, когда Штирлиц заплатил по счету и, подав руку даме, направился к выходу. Эсэсовец сказал, что это был не Штирлиц, а кто-то другой. Агент гестапо возразил и через минуту началась драка.
Машина Штирлица остановилась у дома, в котором Штирлиц снял квартиру для своей новой сотрудницы. Штирлиц помог даме выйти и они поднялись на третий этаж.
- Куда деть это,- спросила радистка, приподняв тяжелый чемодан с рацией.
- Положите на антресоль,- нежно сказал Штирлиц,- а я сварю кофе.
Радистка прошла в комнату, переоделась в форму лейтенанта войск связи, села к столу, достала ноган и, разобрав, начала его чистить.
Вошел Штирлиц с подносом кофе и сел напротив.
Попив кофе, они послушали Чайковского.- Ну, мне пора,- заторопился Штирлиц. Ему не хотелось уходить, и он тянул время.
- Ну, я пошел.
Радистка вздохнула.
- А, может, еще кофе?- спросил Штирлиц, робкий, как школьник.
Радистка кивнула, и он остался.
- Как Вас зовут?- поинтересовался Штирлиц.
- Катя.
- Катюша, значит! Хорошее имя. Чисто русское. А меня - Штирлиц.

Г Л А В А 8.

"Операция "Игельс"... Что, черт возьми, они имели ввиду? Что эти гнусные рожи задумали?"
Штирлиц сидел у себя дома, у камина, и курил трубку. На его коленях лежал томик Сталина, открытый на 57 странице. Штирлиц для конспирации делал вид, что читает. Никто не должен был знать, что он погружен в раздумья.
"А что, если в войну должна вступить Япония или Уругвай?"
Штирлиц набил новую трубку, взял из камина уголек и, прикурив, стал пускать колечки. Он знал, что без его участия Родине будет плохо.
Эти негодяи что-то задумали, и от меня скрывают, даже Мюллер

Русская радистка стояла у пивного ларька в бросско-красном купальнике со звездой на левой груди. В одной руке она держала газету "Правда", а в другой - чемоданчик с рацией и ситцевое платье.
Штирлиц три раза обошел вокруг пивного ларька. Затем оглянулся. Из дупла растущего около ларька дерева на него смотрели два красных воспаленных глаза. "Дятел",- подумал Штирлиц. "Сам ты дятел",- обиделся Мюллер. После непродолжительных раздумий Штирлиц пришел к выводу, что слежки не было.
Он не мог рисковать новым агентом.
Радистка Штирлицу понравилась.
- Вы не скажете, который час?- спросил он. Это был пароль.
- А пошел ты...- с готовностью ответила радистка.
Штирлиц взял ее под руку и они прогулялись по пляжу.
- Позагораем?
Радистка кивнула.
Они сплавали до буйков, позагорали, поговорили о погоде в Москве, отослали радиограмму в Центр об успешном прибытии радистки, Штирлиц рассказал ей пару скользких анекдотов. Она деликатно посмеялась, и Штирлиц пригласил ее в ресторан.
- Одну минутку, я только переоденусь.
Штирлиц заехал домой и ровно через минуту вышел в черном, только что постиранном фраке. Этого с ним не случалось с 1939 года.
Когда цивильный Штирлиц с радисткой зашли в ресторан, по залу пронесся удивленный стон.
На полусогнутых ногах подскочил развязный официант с еврейской физиономией.
- Вам - как всегда, господин штандартенфюрер? Графин водки и банку тушенки?
Штирлиц наклонился к радистке:
- Хочешь тушенки?
Та отрицательно покачала головой.
- Наглец,- вскипел Штирлиц,- ты что, скотина, не видишь, что я с дамой?!
Чтобы загладить свой промах, официант подхалимски захихикал и мерзким голосом спросил:
- У Вас опять новенькая?
- Да. Новенькая радистка.- сказал Штирлиц. Он взял у дамы меню и грязным обтрызаным ногтем отчеркнул добрую половину.
- Нам этого... И еще...
- Понимаю,- понимающе ухмыльнулся официант и побежал на кухню.
- Что ты понимаешь, мерзавец!- закричал Штирлиц вдогонку,- коньяку мне и шампанского даме! И чтоб сию минуту!- Он повернулся к радистке, официанты в Германии такие свиньи, вы уж его извините.
И Штирлиц поцеловал радистке руку.
Весь зал сидел с отвисшими челюстями. Пакистанский шпион снимал это невиданное событие на киноаппарат. Агент гестапо ковырял пальцем в носу:

Недовольный Штирлиц пнул ногой дверь, дверь ударила агента по носу, и Штирлиц пошел к столу.
Агент, потирая ушибленный нос, вошел в туалет.
"Где он прячет рацию?"
Агент стал искать и нашел бутылку портвейна.
Борман, напоив пастора Шлага так, что тот упал под стол, привязал его шнурки к ножке стула и, потирая руки, пошел в туалет. В туалете английский агент пил портвейн.
- П - Пардон, мадам,- сказал Борман, закрыл дверь и тупо уставился на букву "М".
"У Штирлица перепутаны таблички на дверях. На женском туалете висит табличка "М". Тут надо подумать. Что скажет по этому поводу Кальтенбрунер?"
Задумчивый Борман взвесил все "за" и "против", загнул три пальца и поменял таблички. Потом подумал, что сделал доброе дело и поменял таблички назад.
- Люблю порядок,- сказал он вслух и вошел в другую дверь.
Раздался визг и Борман вышел с отпечатком ладони на правой щеке.
"Левша,- подумал Борман,- ничего не понимаю."
И обиженный Борман пошел в сад.
В зале все уже спали. Генерал фон Шварцкопфман во сне бормотал:
"Шесть пикей - Сталинград. Куда вы с бубями, ваши не лезут."
И только Штирлиц сидел в углу и при свете торшера читал Есенина:
- Нет, не могу я видеть Вас-
- Так говорил я в самом деле,
- И не один, а сотню раз,-
- А вы - и верить не хотели...

Г Л А В А 7.

Встреча с новой радисткой была назначена на пляже. Предыдущая радистка Штирлица неожиданно ушла в декрет и ее отправили на Большую Землю. Штирлицу очень недоставало радистки, и в Центре было решено послать новую.
Чтобы не привлекать внимания, Штирлиц не стал ходить по пляжу в мундире, а разделся и решил искупаться. Жаркое солнце лизало землю своими лучами, как кипятком, и от одной мысли о купании становилось легко и приятно на душе. Зажав двумя пальцами нос, Штирлиц нырнул в воду. Вода была теплая, прозрачная, и он несколько минут позволил себе понежиться. Штирлиц лежал на спине и слегка шевелил пальцами. Через час, посмотрев на часы, он вылез из воды. Зашел в кабинку, выжал свои семейные трусы и причесался.
Он шел по пляжу, насвистывая, как было условленно с Центром, "Интернационал", и среди многих девушек пытался найти русскую радистку, побагаясь на свою интуицию. Интуиция Штирлица никогда не подводила.

пальцем:
- А все-таки, Штирлиц, Вы - большая свинья, пытались скрыться от нас на даче...
- Извинитесь!- возмутился адъютант и влепил Гиммлеру пощечину.
Пьяный Борман обходил стол и по очереди пытался завести знакомство с женщинами. От него несло водкой и чесноком и женщины с отвращением отталкивали его. Английский агент спрятался от Бормана под столом.
Не солоно хлебавши, Борман сел рядом с пастором Шлагом.
- Б - Борман,- сказал Борман, протягивая потную ладонь.
Они познакомились и выпили. Закусили. Еще выпили. Вскоре пастор Шлаг, подтягивая в терцию с Борманом, запел:
- И от Москвы до Британских морей...
Вольф, Холтоф и фон Шварцкопфман затеяли преферанс. Пулю писали мелом на полу. Фон Шварцкопфман проигрывал и ругался. Вокруг них столпилось большинство женщин. Они с азартом наблюдали за игрой и подсказывали незадачливому фон Шварцкопфману.
Гиммлеру стало плохо и он залез под стол и заснул, потеснив английского агента.
Штирлиц вспомнил, что у него сегодня день рождения. Он с отвращением оглядел зал и понял, что праздник испорчен.
"Их бы собрать всех гадов где-нибудь... Только не на моей даче... И запалить фитиль у ящика с динамитом..."- устало подумал Штирлиц.
Он плюнул в Геринга, прихватил с собой бутылку портвейна и направился в туалет отдохнуть от вульгарного шума.
Из-под стола вылез английский агент и по-пластунски пополз в том же направлении.
Туалет Штирлица был отделан югославским кафелем. Рядом с бассейном стоял голубой финский унитаз. Штирлиц присел, подпер щеку кулаком и задумался, глядя на репродукцию картины Левитана "Русская осень." Штирлицу вспомнилась родная деревня, стог сена, девушка с родинкой на левой груди.
"Черт возьми,- подумал Штирлиц,- кругом одни жиды!"
И тут ему пришла в голову великолепная мысль поздравить центр со своим днем рождения. Штирлиц попытался вспомнить, куда он прошлый раз засунул рацию. Ни под умывальником, ни в бачке он ее не нашел. Зато в самом унитазе обнаружил нечто похожее. По крайней мере, это нечто было со знаком качества.
"Феликсу от Юстаса. Совершенно секретно.- передавал Штирлиц открытым текстом.- Поздравляю со своим днем рождения, желаю счастья в труде и в личной жизни. Юстас."
Центр не отвечал.
"Заснули они там что-ли?"- подумал Штирлиц и повторил сообщение.
Было похоже, что в центре уже отметили день рождения, надрались и спят.
Штирлиц огорчился, что там надрались без него и выключил рацию.
"Понавешали тут!",- он дернул за веревочку, бачок заурчал.
Английский агент за дверью сменил кассету.

сел во главе стола, а пастор Шлаг оправил белую манишку и поднял бокал шампанского.
Внезапно во дворе заурчал мотор. Штирлиц посмотрел в окно. Из подъехавшего бронетранспортера вылезал Борман. Дача была оцеплена эсэсовцами.
Практичный Шелленберг хотел застичь Штирлица врасплох и еще за неделю приказал окружить дачу. Из бронетранспортера выползли Гиммлер и Геббельс, и Штирлиц смачно плюнул на только что вымытый пол. Гиммлер, уже порядком набравшийся, убеждал Геббельса, что Штирлицу будет в три раза приятней, если бронетранспортер заедет прямо в дом.
Штирлиц умел сдерживать свои чувства:
- Заразы !!!
Он схватил бутылку шампанского и метнул ее в сервант. Посыпались осколки.
- Я тоже не люблю шампанское,- сказал подошедший Мюллер.
Офицеры весело рассаживались за столом, обнимая прихожанок пастора Шлага. Борман потянулся за гусем с яблоками и опрокинул канистру с пивом.
Мюллер поднес Штирлицу букет красных роз.
- Предлагаю,- заорал Геббельс,- выпить за истинного патриота рейха, штандартенфюрера СС фон Штирлица.
- Хайль Штирлиц!- закричали гости.
Мрачный Штирлиц один за другим кушал из большого серебренного блюда пельмени.
Шелленберг привстал, потянулся за куском торта, а Борман подложил ему большую кнопку. Шелленберг подскочил до потолка и приземлился на стол, опрокинув на Гиммлера трехлитровую банку с майонезом. Не растерявшийся Гиммлер, не разобрав, кто это сделал, тут же дал в нос сидящему рядом Герингу. Тот опрокинулся вместе с креслом.
Штирлиц наливал Мюллеру очередную стопку коньяка.
Опрокинутый Геринг подполз к столу и попытался встать. Вставая, он зацепился головой за ногу Геббельса, который произносил тост, и приподнял его над столом. Геббельс, ничего не понимая, закричал "на помощь" и упал на стол. Женщины зашлись от смеха.
Мюллер наливал Штирлицу очередную стопку коньяка.
Геббельс, угодивший лицом в блюдо с карпами, пытался доказать ничего не понимающим рыбам превосходство арийской рассы над всеми другими и агитировал их записываться в "Гитлерюгенд".
Укушавшийся адъютант Гиммлера, шатаясь, подошел к Штирлицу и стал поздравлять его с днем рождения.
- Я восхищаюсь Вами, господин штандартенфюрер! Вы - мой идеал разведчика!
Они выпили на брудершафт.
Мюллер, которому понравилась сидящая рядом блондинка, посмотрел на часы и сказал:
- По-моему, нам пора спать.
Гиммлер встал и покачал перед носом Штирлица указательным

В прошлом году в этот день он пригласил одного Мюллера, но по гнусной инициативе Гиммлера, к нему домой заявилась вся верхушка Рейха, считавшая своим долгом поздравить его с праздником, и каждый, как бы издеваясь, дарил то портрет Сталина, то кирзовые сапоги, то полное собрание сочинений Карла Маркса на китайском языке, а Борман даже сподобился подарить свою старую секретаршу. Этого Штирлиц простить не смог, секретаршу он тут же вручил Шелленбергу, который за это подмешал Борману в нарзан пургену.
Один только добрый и интеллигентный Мюллер преподнес Штирлицу подшивку французской порнографии за 1917 год.
Все было бы хорошо, если бы офицеры не укушались до свинского состояния и не загадили Штирлицу всю квартиру. Штирлицу не было жалко разбитой хрустальной люстры, сервиза, поломанной мебели, но это было дело принципа, и на этот раз Штирлиц приглашать никого не стал. Он со всех сторон обдумал свое положение и предусмотрительно решил отметить День Рождения на даче в обществе пастора Шлага и его прихожанок, скрывшись, таким образом, от непрошенных гостей.
Стол поставили буквой "Ш". Довольный Штирлиц щедро раздавал указания и, хотя его никто не слушал, чувствовал себя большим начальником. Агентура пастора Шлага, одетая в белые переднички, хлопотала на кухне, накрывала на стол и с восторгом ловила каждое слово штандартенфюрера. Английский агент, загримированный под женщину, и тоже в белом передничке, торопливо маскировал по углам микрофоны. Сердце его пело. Он, наконец-то, вышел на самого Штирлица.
Автобус с женщинами приехал всего три часа назад. Любопытные женские лица выглядывали из его окон на вышедшего им навстречу Штирлица. Он был в халате, распахнутом на волосатой груди, на его голове была натянута сеточка. Зачем, Штирлиц не знал, но он видел точно такую же у Шелленберга.
Сегодня Штирлиц снова принимал ванну.
Пастор Шлаг вылез из кабины и отдал честь.
- Сколько,- спросил Штирлиц, бросая взгляд на автобус.
- Двадцать одна.
- Очко,- порадовался Штирлиц.
- Двадцать проверенных агентов и одна новенькая,- сказал пастор Шлаг, розовощеко улыбаясь.
- Командуйте,- разрешил Штирлиц.
Пастор Шлаг набрал полную грудь воздуха и препротивно заорал:
- В одну шеренгу становись!
- Становись, становись...- отозвалось эхо и в кустах что-то зашуршало.
Женщины, хихикая и переговариваясь, вылезли из автобуса, и через двадцать минут пастору удалось их построить.
Штирлиц принял боевой вид и сказал:
- На первый-второй рассчитайсь! Первые номера - на кухню, вторые - накрывать на стол.
Женщины сновали туда-сюда, а Штирлиц и пастор играли в подкидного дурака на щелбаны. Когда все было накрыто, Штирлиц

чая.
Они говорили около получаса. Штирлицу пастор понравился. Шлаг, без сомнения был умен, а его размышления о женщинах привели Штирлица в восторг.
- Все это хорошо,- сказал Штирлиц,- сказал Штирлиц, а все-таки, пастор, на кого вы работаете?
- Господин штандартенфюрер! Я готов работать на кого угодно и, честное слово, ни в чем не виноват!
- Прекрасно,- сказал Штирлиц.- Вы будете работать на меня.
Он достал папку с надписью "Дело **N 148**".
- Это я взял у гестапо ваше дело. Прочитайте!
Пастор посмотрел дело. Дойдя до места, где его обвиняли в работе на чьюто разведку, он удивленно поднял брови.
- И с чего они взяли, что я на кого-то работаю? Ведь это же ерунда!
- Теперь вы работаете на меня,- напомнил Штирлиц.
- Да, да, конечно.
- Пастор, а зачем вам так много женщин?
- Это мои прихожане,- потупил очи пастор Шлаг,- вернее, прихожанки.
- А сколько вам лет?
- Зимой будет пятьдесят два.
- А почему вы до сих пор не женитесь?
Пастор Шлаг смущенно покраснел.
- Я еще молод, чтобы думать о женщинах.
Штирлиц повертел в руках карандаш и выписал пропуск.
- Вы свободны. Когда понадобитесь, я вас найду. Если кто будет приставать, ссылайтесь на меня: я им морды набью, они меня знают.
Пастор долго благодарил Штирлица и, не веря еще, что он наконец-то свободен, ушел.
Штирлиц потянулся, зевнул и лег на раскладушку. В его голове созревал колоссальный план. Он задремал. Вдруг в кабинет ворвался Айсман.
- Ты что, его отпустил?!
- Кого?- сонно спросил Штирлиц.
- Этого пастора вонючего...
- Он раскололся,- сказал великолепный Штирлиц,- и даже согласился стать моим агентом.
Айсман уважительно посмотрел на Штирлица и поправил черную повязку на глазу.
- Да, Штирлиц, однако ты умеешь работать с людьми...
Они попили чаю. Айсман рассказал пару новых хамских проделок Бормана и посоветовал остерегаться садиться на второй от двери унитаз. Так они просидели до конца рабочего дня.

Г Л А В А 6.

Штирлиц родился в январе, но свой день рождения отмечал Первого Мая, чтобы показать свою солидарность с международным рабочим классом.

ретаршей, разговор зашел о женщинах, перекинулся на французскую порнографию, а потом у каждого нашлись свои дела.

ГЛАВА 5.

Засунув руки в карманы, Штирлиц шел по коридору. Его настроение было на редкость веселым. Центр наконец-то ответил на его запросы, прислал посылку с папиросами и вскоре обещал прислать новую радистку. Из-за двери с надписью "ГЕСТАПО" доносились жалобные стенания, словно за этой дверью кому-то дали в нос.
"Странный кабинет,- подумал Штирлиц,- здесь постоянно кого-то бьют."
Дверь со скрипом отворилась и Штирлиц увидел своего хорошего друга Айсмана. Штирлиц не без удовольствия вспомнил, как они на прошлой неделе разгромили публичный дом, хозяин которого оказался евреем.
- А, Штирлиц!- единственный глаз Айсмана радостно засверкал,
- ты-то мне и нужен... Вопросик есть. Столица Советского Союза из шести букв на "мы". А?
- Не знаю. Мадрид, наверное.
- Подходит.
Айсман вписал "Мадрид".
- Кого бьем?- спросил Штирлиц, прикуривая.
Айсман потянулся за "Беломором".
- Есть тут один. Некто пастор Шлаг.
Они вошли в кабинет. Два плотных дюжих гестаповца методично избивали толстенького человечка в рясе. На лице человека застыло покорное благочестивое выражение.
- В чем тебя обвиняют, скотина?- орал гестаповец,- за что тебя взяли?
Где твое дело?
- Вот,- сказал Айсман,- Борман дал распоряжение пощупать, а дело потеряли. А этот гад не сознается, в чем виноват.
- В чем тебя обвиняют?- хором надрывались гестаповцы.
Пастор молчал. Штирлиц вспомнил про дело этого пастора, которое он когда-то где-то видел.
- Отдай его мне, Айсман,- попросил он.
- Зачем тебе эта толстая свинья?
- На Бормана похож.
Айсман захохотал. Гестаповцы доставили Шлага в кабинет Штирлица. Пастор стоял по стойке "смирно". Штирлиц присел на край раскладушки.
- Садитесь.
- Спасибо, я постою.
- Садитесь, черт вас возьми.
Пастор Шлаг устало опустился на табуретку.
- Чаю хотите?- спросил Штирлиц и налил ему стакан холодного

ленберг вылил себе в рот.
- Предлагаю выпить за операцию "Игельс"!
Дверь со скрипом отворилась и в комнату ворвался Штирлиц. Все тут же сели. Штирлиц услышал только несколько последних слов.
"Скрывают",- подумал он и решил сделать вид, что зашел просто так. Штирлиц подошел к сейфу, достал отмычки и в гробовой тишине вскрыл его. Он копался минут пять, но ничего нового не нашел.
"Бездельники",- подумал Штирлиц и с шумом захлопнул дверцу.
- Товарищ Штирлиц,- послышался осторожный голос Геринга, у которого недавно пропала половина доклада фюреру, а вторая половина оказалась сильно испачканой,- когда берете документики из сейфа, возвращайте обратно и не пачкайте, пожалуйста.
- Нужны мне ваши документы,- обиделся Штирлиц,- у меня своих хватает. Он подошел к столу, отнял у Геббельса рюмку коньяка и провозгласил:
- За моего любимого фюрера!
С недовольными лицами все выпили. Обделенный Геббельс обиженно посопел, достал бутылку шнапса и отхлебнул прямо из горлышка.
- Хайль!- и Штирлиц вышел.
От шнапса Геббельса передернуло и он подумал: "Яка гарна горилка!"
- На чем мы остановились?- спросил он, вытирая рот рукавом мундира.
- На операции "Игельс".- сказал Шелленберг.
Дверь снова внезапно отворилась, и в нее просунулась довольная физиономия Штирлица.
- Да, господа, когда я вошел, забыл поздороваться.
- Здравствуй, здравствуй,- сказал вежливый Мюллер.
Штирлиц еще раз закрыл дверь и ушел. Подслушивать он считал ниже своего достоинства.
Гиммлер встал, обошел стол и выглянул за дверь. Убедившись, что Штирлиц ушел, он оглядел своих соратников и, прищурившись, спосил:
- Кстати, господа, о Штирлице: как попасть к нему на День

Рождения?
- Предлагаю на халяву,- сказал Геббельс,- заодно и подарок покупать не надо.
Гиммлер взял из хрустальной вазы большое красное яблоко, с хрустом откусил половину и, жуя, сказал:
- У меня на складе завалялся маленький списанный бронетранспортерчик человек на десять-двенадцать. Поедем на нем, а потом подарим Штирлицу: все-равно выбрасывать.
Все потянулись за яблоками.
- А как назад?- спросил Геринг.
- Назад нас отвезут.
Они еще немного посплетничали, Борман похвалился новой сек-

"А в штабе много идиотов",- думал всезнающий Мюллер.
- Мало самолетов...
Генерал фон Шварцкопфман встал, прокашлялся, высморкался в зеленый носовой платок и прохрипел:
- Господа! На Курской Дуге потерпели поражение не из-за того, что было мало танков и самолетов, которых у нас, слава богу, хватает, а из-за наглости русских партизан. Командующему немецкими войсками на Курской Дуге генерал-фельдмаршалу фон Клюге они подложили, извиняюсь, на сидение ежика.
Все оживились.
- Да, да, господа! Русского ежика! Вследствие этого командующий упал со стула и получил ранение. И без мудрого руководства немецкие солдаты,- генерал вытер слезу,- не знали, куда стрелять!
Борман мерзко ухмыльнулся. Это по его приказу фон Клюге подложили ежика. Шутка удалась.
- Так,- сказал Гитлер.
Воцарилась тишина.
"Почему я импотент?"- горько подумал фюрер.
Через несколько минут умному Геббельсу случайно пришла в голову мысль:
- Надо уничтожить партизан, и мы захватим Россию.
- Не проще ли уничтожить ежиков?- предложил Гиммлер.
- Так,- сказал Гитлер.
Все снова замолчали.
"Ну почему я импотент?"- страдал великий фюрер.
- Надо вывести всех ежиков из России,- глубокомысленно сказал Геринг.
- И тогда в России нарушится биологическое равновесие,- подхватил Гиммлер,- и партизаны перемрут с голоду.
- Гениально!- восхитился подхалим Шелленберг.
- И тогда мы покажем русским еще одну Курскую Дугу и еще один Сталинград!
- Гениально!- орал Шелленберг.
- Так.
Гитлер поднялся, обошел стол, встал за спиной Бормана и похлопал его по потной лысине.
"Господи! Ну почему же я импотент? Почему не он, не Геббельс, а именно я?"
И фюрер пошел к Еве Браун. Все проводили его сочувствующими взглядами. Дверь за Гитлером закрылась и разговор возобновился.
- Предлагаю закодировать операцию словом "Игельс",- предложил Геббельс.
- Я - за,- сказал Мюллер, которому было все равно.
- Шелленберг,- попросил Гиммлер,- доставайте.
Шелленберг достал из-за пазухи бутылку армянского коньяка и разлил в рюмочки. Хватило на всех, а то, что осталось, Шел-

нить...на всякий случай..?
И он позвонил Мюллеру. Шеф гестапо сказал "ну,ну" и положил трубку.
Майор, пожелтевший от страха, не знал, куда деваться. Он ходил из угла в угол, изредка посматривая на злополучный портрет фюрера и потирая шишку на голове.
Через полчаса приехал сытый и добродушный Мюллер.
- Какой Штирлиц? А, друг моего детства... Так что же вы его сразу не отпустили?
- Что вы, группенфюрер! А вдруг он - русский шпион?
Мюллер загадочно улыбнулся...
Они спустились в подвал к Штирлицу. Майор резко постучал в закрытую дверь, за которой Штирлиц горланил очередную песню. Штирлиц ответил коротко, тремя словами. Майор долго и униженно умолял Штирлица извинить его, глупого легавого кретина, и через полчаса Штирлиц его простил. Он вышел из камеры и, не обращая внимаия на стоящего на коленях майора, сердечно поздоровался с Мюллером. Старые друзья обнялись. Штирлиц пожаловался, что его здесь обижали и плохо кормили. Майор от стыда желал провалиться сквозь землю.
Мюллер и Штирлиц вышли.
- Штирлиц, как же Вас угораздило попасть в этот гадюшник?
- Так получилось. Был в ресторане с одной... Ну, Вы ее не знаете... Тут вдруг драка, а разве прилично, когда при даме драка? Полез разнимать. Никогда, дружище, не разнимайте дерущихся. Неблагодарные скоты! Голос Штирлица звенел от неподдельного негодования.
- "Штирлиц,- улыбался Мюллер,- столько лет живет в Германии, а до сих пор не научился нормально говорить по-немецки. И откуда у него этот ужасный рязанский акцент? Нет, пока Штирлиц трезв, с ним просто противно разговаривать.Вот когда выпьет, да , он говорит как коренной берлинец. Пожалуй надо выпить."
- Кстати, Штирлиц...
Они переглянулись.
- Что за вопрос!
Друзья детства понимали друг друга с полуслова. Мюллер взял Штирлица под руку, и они направились в ближайший ресторан.

Г Л А В А 4.

В бункере Гитлера уже третий час длилось совещание. За круглым дубовым столом восседали высшие офицеры Рейха. Под портретом великого фюрера сидел сам великий фюрер, грустный и задумчивый. На него никто не обращал внимания. Обсуждались два вопроса: почему потерпели поражение на Курской Дуге, и как напроситься к Штирлицу на День Рождения.
- Мало танков,- гундосил Гиммлер.

в угол, он начал выбивать на стене надпись "ЗДЕСЬ БЫЛ ШТИРЛИЦ", но его прервали.
- Арестованный Штирлиц, на выход.
Хмурый конвоир с перевязанной щекой отвел его в кабинет на допрос. За столом сидел обрюзгший майор и пил кофе.
- Фамилия?
- Штирлиц.
- Может ты и Штирлиц, а может и не Штирлиц... Кто тебя знает? Может, ты - русский шпион.
Штирлиц подошел ближе и сел.
- Слушай, майор, не возникай: я в гневе страшен.
Майор, не ожидавший такого нахальства, разинул рот. А Штирлиц издевательским тоном продолжал:
- Ты мне сейчас кофейку обеспечь, а потом позвони моему другу Мюллеру, а иначе я могу и морду твою свинскую набить...
Штирлиц бы еще долго изголялся (полицию он не любил с детства) , но майор вдруг стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнула чашечка с кофе, и заорал:
- Молчать!!!
- Не ори,- попросил Штирлиц.
- Встать, когда разговариваешь с офицером!
Штирлиц был спокоен, как дохлый лев.
- Я, штандартенфюрер СС фон Штирлиц,- по слогам произнес он, - не льюблю, когда в моем присутствии орут всякие мерзавцы. Я требую кофе и Мюллера, иначе объявляю голодовку сроком на двести дней. Неужели ваша дурная голова не в состоянии понять, что надо позвонить моему любимому другу детства Мюллеру, и я, наконец, не буду иметь удовольствие видеть вашу гнусную рожу.
Завернув такую блестящую фразу, Штирлиц про себя порадовался и гордо улыбнулся. Майор позеленел от злости.
- Молчать!
Штирлицу майор совсем перестал нравится, он собрался дать обнаглевшему полицейскому в зубы и дал. Конвоиры бросились к Штирлицу, но опоздали. Майор ударился в висящий на стене портрет фюрера в полный рост. Портрет упал на лысину майору.
Штирлиц, отбросив конвоиров, гневно закричал:
- Оскорблять моего любимого фюрера! Да я теперь сам не уйду отсюда, не начистив ваши легавые морды!
С большим трудом разбушевавшегося Штирлица водворили обратно в камеру. Штирлиц долго буянил, бил каблуками в дверь, ругался на неизвестном языке, потом немного успокоился и запел:
- Замучен в тяжелой неволе...
Очнувшийся майор нервно почесал в затылке, где от удара о портрет фюрера вздулась огромная шишка.
"Чертов фюрер, теперь месяц болеть будет. Не портрет, а сплошное недоразумение."
Майор походил по кабинету.
- Как бы чего не случилось... Мюллер шутить не любит... Что скажет по этому поводу Кальтенбрунер? Может все-таки позво-

Штирлиц, вытащивший из кармана кастет, не смог успокоиться и излил свой гнев на официанта:
- Почему пиво разбавлено?
- Но ведь вы его даже не пробовали, господин штандартенфюрер!
- Молчать!- и Штирлиц вмазал официанту кастетом. Он не любил доставать кастет просто так.

Официант перелетел через столик генерала и упал на колени его дамы. Дама завизжала как поросенок, из которого хозяин решил сделать жаркое. Генерал снова вскочил.
- Это ты, тыловая крыса, меня - боевого генерала...
И в ярости схватил офиицианта и тоже вмазал.
Официант въехал головой в живот эсэсовцу. Тот согнулся пополам и заорал:
- Наших бьют!
Его товарищи кинулись на генерала, фронтовики встали на защиту и завязалась обычная драка.
Как всегда, Штирлиц был не при чем. Он спрятал кастет и достал браунинг с дарственной надписью: "Штандартенфюреру СС фон Штирлицу от любимого фюрера." Заорав "наших бьют", Штирлиц открыл огонь по люстрам. Девочки из варьете с визгом разбежались. Конферансье стащили со сцены и начали топтать ногами. Его визг был еще более душераздирающим, чем у генеральской дамы. До смерти перепуганный оркестр заиграл вдруг "Дунайские волны". Генерал размахивал саблей и кричал:
- Это вы, тыловые крысы, меня - боевого генерала...
Когда у Штирлица кончились патроны, ни одна люстра уже не светила. Штирлиц закричал:

- Прекратить драку!- и бросился разнимать спорщиков.

Послышался звон разбитой посуды и сдавленный стон, как будто кому-то попали по голове бутылкой.
- Полиция!- раздался крик.
Приехавшие полицейские начали с того, что выпустили по обойме поверх голов дерущихся. Беснующаяся толпа постепенно успокаивалась. Тех, кто не успокаивался, успокаивали. Зажгли свет. Затем вошел обер-лейтенант.
- Спокойно! Всем оставаться на своих местах.
И всех забрали. Вынесли трупы. Среди погибших оказался и агент 008. Ему случайно попали по голове бутылкой из-под шампанского. Так закончил свою карьеру знаменитый агент.
Всех арестованных погрузили по машинам и развезли по разным полицейским участкам. Штирлиц и боевой генелал попали в одну машину. Генерал не унимался.
- Это вы, тыловые крысы, меня - боевого генерала...
- Дайте ему по голове,- равнодушно сказал Штирлиц.
Обер-лейтенант с удовольствием исполнил просьбу. Генерал изумленно замолчал. Скоро они подъехали к полицейскому участку. Штирлица посадили в камеру. Немного походив из угла

привычны. Как раз на днях он перевербовал пакистанского шпиона, работавшего секретарем дуче в Италии. Штирлиц тоже представлялся агенту легкой добычей. За 2 дня агент 008 сумел выследить Штирлица и собрать на него столь обширное досье, что этому позавидовал бы сам Мюллер.

Агент 008 следил за Штирлицем от самого Рейхстага. Когда Штирлиц вошел со своей дамой в ресторан, агент слез с велосипеда и прицепил его замком к урне. Всунув швейцару пятидолларавую бумажку, он закурил гаванскую сигару и вошел в зал. Выбрав столик около Штирлица, агент сел, положив ноги на стол и щелкнул пальцами:

-Бармен! Виски с содовой!

Двое гестаповцев около сцены, где высоко подкидывая прелестные ножки, танцевали канкан, переглянулись.

- По-моему, это американский агент,- шепнул один,- слишком нахальный. Запиши на всякий случай его фамилию.
Второй, более увлеченный девочками из варьете, чем какими-то американскими агентами, механически кивнул и заорал:

- Бис!!!

Штирлиц, обняв свою подругу, держал в руке стакан водки и увлеченно читал ей стихи Баркова в своем переводе.

Сидящий рядом седой генерал пытался явно придуманными рассказами о своих похождениях на фронте очаровать молодую девушку и временами заглушал Штирлица. Штирлиц уже несколько раз недовольно глядел в его сторону, но из уважения к сединам ругаться не стал.

Агент 008 достал зажигалку, сделал три фотоснимка и прикурил.
- Вот вылезу из окопа на бруствер,- хриплым пьяным голосом вещал надоевший всем генерал ,- а по полю партизаны. Пули вокруг свищут, а я саблю наголо, ору "заряжай", а по мне из пулемета - та-та-та...
Громкий хохот подвыпивших эсэсовцев у окна перекрыл его слова:
- Совсем заврался старый осел!
Генерал оглянулся и понял, что смеются над ним. Он выхватил саблю.
- Это ты, тыловая крыса, меня - боевого генерала...
- Господа, успокойтесь! - вскричал конферансье на сцене.
- Мы все защитники фюрера и Великого Рейха, и в тылу, и на

фронте.

Да, Штирлиц был профессионалом. Он не стал листать украденное дело в коридоре, как поступил бы на его месте английский или парагвайский шпион, а выбрал самое укромное место в Рейхе.

Войдя в ватерклозет, Штирлиц обналужил свежую надпись: "ШТИРЛИЦ - СКОТИНА И РУССКИЙ ШПИОН". Штирлиц старательно зачеркнул слово "ШПИОН" и написал слово "РАЗВЕДЧИК", а внизу приписал : "БОРМАН - ТОЖЕ СКОТИНА."

Здесь же он пролистал дело пастора Шлага. В голове его начал созревать еще неясный, но уже план.

Г Л А В А 3.

Когда Айсман разбудил его, был уже конец рабочего дня. Штирлиц вышел на улицу, вынул пачку "Беломора" и прикурил у часового. Чеканя шаг, прошла рота эсэсовцев и проехал бронетранспортер, обдав Штирлица брызгами.
"Скоты,- подумал Штирлиц,- нажрались и разъезжают. Вас бы на фронт, вшей кормить."

При слове "кормить" Штирлицу захотелось тушенки. Он, потушив папиросу, сунул ее назад в пачку. Сплюнув два раза под ноги, он пошел в ресторан.
Шагая по вечернему Берлину, Штирлиц думал о разных неприятных вещах.
Во-первых, кончался "Беломор", и его приходилось экономить.
Во-вторых, интересно, какую информацию он получит от Евы Браун, и разрешит ли центр контакт? И, наконец, радистка Штирлица внезапно забеременела и просилась домой, к мужу. Обо всех трех вещах следовало сообщить центру. А на связь с центром Штирлиц выходить не любил.
Раздумья Штирлица прервала группа молодых разряженных женщин, которые, громко хихикая, курили на углу и смотрели в его сторону.
"Шлюхи",- подумал Штирлиц.
"Штирлиц",- подумали шлюхи.
- Штирлиц! А не в ресторан ли ты идешь?- спросила одна из них, кокетливо поправляя прическу.
- Пойдем,- сказал галантный Штирлиц и взял ее под руку.
Американский агент 008, которому обычно поручались самые трудные дела, был заброшен в Берлин, чтобы выяснить:
что так долго делает в Германии русский агент Штирлиц, а заодно попытаться перевербовать его. Агенту такие дела были

Штирлиц поперхнулся. С Евой Браун он встречался всего один раз, и то на приеме у фюрера. Штирлиц был о себе высокого мнения, как о мужчине, но эта мысль никогда не приходила ему в голову.

"Ева Браун может стать ценным агентом. Надо запросить

центр."

Штирлиц встал и высморкался в занавеску.

"Клюнет или нет?"-подумал Борман.

Штирлиц посмотрел в окно.

- Какие ножки у этой крошки,- сказал он стихами.- Смотри,

Борман.

Борман достал из стола цейсовский бинокль и подошел к Штирлицу. Минуту они молчали. За это время Штирлиц успел обдумать слова Бормана, а Борман догадался, что Штирлиц его отвлек.

"Водит за нос."- подумал Борман и ловко перевел разговор в

другое русло.

- Послушай, Штирлиц, у тебя такие обширные связи. Не мог бы ты достать умненькую собачку с острыми зубками?

- Могу.

"Этот все может",-подумал Борман.
Штирлиц часто обещал что-либо Борману, как, впрочем, и всем остальным, но никогда ничего не делал.

Штирлиц стрельнул у Бормана еще парочку сигарет, механически сунул лежащее на столе дело под мышку и направился к выходу.

Борман бросился к столу и резко открыл верхний ящик. Около самой двери, в десяти сантиметрах от пола, натянулась бельевая веревка. Штирлиц ловко перепрыгнул через нее и, сказав "До свидания!", скрылся за дверью.

"Профессионал!",- простонал Борман.

Борман нажал на кнопку, и вошла секретарша. Штирлиц ее раньше не видел.

- Новенькая ?

- Да,- похвалился Борман.

- А ничего,- одобрил Штирлиц.

- Мне тоже нравится,- сказал польщенный Борман.- Пива принеси, дорогая.

- Слушаюсь, партайгеноссе.

Секретарша принесла пива и стала ждать дальнейших распоряжений.

- Можешь идти,- махнул рукой Борман.

Секретарша, разочарованно покачивая бедрами, вышла. Штирлиц оторвал взгляд от двери и взял кружку с пивом.

- Садись,- предложил Борман, подставляя стул.

Штирлиц привычным жестом смахнул со стула кнопки и сел.

"Заметил,- ядовито подумал Борман,- Штирлица на кнопки не возьмешь. Чувствуется рука Москвы."

Глаза Штирлица потеплели.

- Хорошее пиво,- сказал он.

"Темнит, сукин кот. Обмануть хочет. Нет, брат Исаев, не на того напал. А не сыграть ли мне с ним шутку? Что, если ему очень тонко намекнуть, что им интересуется Ева Браун?"

- Штирлиц! А ведь вами интересуется Ева Браун!- закричал Борман.

варь, перевел и логически помыслил: "Кто-то исправил ошибки... значит кто-то залез в сейф...это не я...значит это русский шпион...и плюс ко всему он лично знает Бормана... Следовательно, я его тоже знаю." Борман надолго задумался. Через полчаса он догадался поискать отпечатки пальцев. Еще через полчаса он их нашел. Видимо русский разведчик ел тушенку. Банка стояла тут же, в сейфе. "Здесь чувствуется работа Штирлица. Интересно, что скажет по этому поводу Кальтенбрунер?" Борман вздохнул. Со Штирлицем связываться не стоило: все равно что-нибудь придумает, еще и сам виноват окажешься. Это знали все. Борман еще раз вздохнул и достал из сейфа дело пастора Шлага. За пастором он следил давно и с интересом. Этот человек имел обширную женскую агентуру. Пастор бегал за любыми женщинами: старыми и молодыми, красивыми и не очень, замужними и наоборот, и женщины отвечали ему взаимностью, что Бормана, которого женщины не любили, очень удивляло и даже сердило.

"Зачем одному человеку столько женщин? Я понимаю, если бы они были во-первых, секретаршами, а во-вторых, у меня... А так... Наверное он работает на чью-нибудь разведку. Скорее всего, это не наша разведка... Следовательно, иностранная..,
- Борман поднял палец вверх,- его надо пощупать..."

И Борман, позвонив Айсману, отдал распоряжение.

От сильного удара ноги дверь распахнулась, и в кабинет вошел хмурый и заспанный Штирлиц.

- Борман! Дай закурить!

"У Штирлица кончились папиросы,- подумал Борман, протягивая портсигар с профилем фюрера,- значит он много курил. Много курят, когда думают, значит он много думал. Штирлиц просто так не думает, значит он что-то замышляет."

И Борман посмотрел в честные глаза Штирлица.

- Как дела?

- Плохо!

"Я, как всегда, прав! - обрадовался Борман. - Точно что-то замышляет! Надо его пощупать..."

- Не хочешь ли кофе?

- Нет,- Штирлица передернуло,- лучше пива.

было одно из самых объемных дел в его сейфе. Мюллер насвистывал арию Мефистофеля из Фауста и перечитывал любимые строки.

Партайгеноссе Борман был мелкий пакостник. Если Борману не удавалось досадить кому-нибудь, он считал прожитый день пропавшим. Если же получалось кому-нибудь нагадить, Борман засыпал спокойно, с доброй, счастливой улыбкой на лице. Любимая собачка Бормана, которая жила в его кабинете, кусала офицеров за ноги, и поэтому всем приходилось ходить по Рейху в высоких сапогах. Мюллер, у которого было плоскостопие, от этого очень страдал. Однажды он имел неосторожность зайти в кабинет Бормана в кедах и был злостно укушен за левую ногу. Собачку пришлось отравить. С тех пор они стали с Борманом злейшими врагами.

Борман был любитель подкладывать кнопки на стулья, рисовать на спинах офицеров мелом неприличные слова, натягивать в темных коридорах сложные системы веревочек, споткнувшись о которые несчастная жертва в лучшем случае падала или обливалась водой, а в худшем - получала по голове кирпичом. Особенной любовью Бормана пользовались ватерклозеты. Какие только гадости он не писал на дверях и стенах об офицерах рейха, а иногда перерисовывал из французских бульварных журналов непристойные картинки. Под одной из таких картинок он подписал: "Это - Ева Браун". Фюрер оскорбился и поручил ему же, Борману, выяснить, кто это сделать. Два месяца все в Рейхе пресмыкались перед Борманом, а Штирлиц даже придумал версию, чтобы оградить себя от подозрений, что это сделал китайский шпион. В конце концов пострадал адмирал Канарис, который неосторожно выиграл в преферанс у Бормана его новую секретаршу. Секретарши были второй страстью Бормана. Он то и дело увольнял одних и нанимал других, менялся секретаршами с Гиммлером, Шелленбергом, просил подарить секретаршу Мюллера, но Мюллер отказал. В Рейхе Бормана не любили, но побаивались. Кому же охота видеть свое имя на стене сортира? Борман был толст, лыс и злопаметен.

А сам Борман был в это время занят делами. Острым ножом он вырезал на двери туалета надпись: "ШТИРЛИЦ - СКОТИНА И РУССКИЙ ШПИОН". Удовлетворенно чмокнув, Борман дернул за веревочку и вышел. Он тщательно вымыл руки и с чувством выполненного долга направился в свой кабинет. День обещал быть удачным.

В кабинете Борман открыл сейф, запертый на семь секретных замков и просунул голову внутрь. Вчера он повесил в сейфе табличку на русском языке: " Руским развечикам смареть заприщено!" Кто-то красным карандашом исправил ошибки и подписал: "Борман - дурак." Борман достал русско-немецкий сло-

- Штирлиц - добрая душа,- вздохнул один фронтовик,- я помню три дня назад тут били японского шпиона, так все били ногами, а Штирлиц - нет.

- Добрейший человек,- подтвердил первый фронтовик, и они вывели лейтенанта на свежий воздух.

Штирлиц, обнявшись с эсэсовцами, громко пел "Гитлер зольдатен".

Пьяный унтер-офицер поднял голову из салата, обвел зал мутным взглядом и восторжено заорал:

- Хайль Гитлер!

Весь зал вскочил, вскинув руки, и стены задрожали от ответного рева:

- Зиг хайль!!!

А Штирлиц уже спал, снились ему соловьи, русское поле и березки, снились ему голые девки, купающиеся в озере, а он подглядывал за ними из кустов.

Сейчас он спит, но ровно через полчаса он проснется, чтобы продолжать свою нелегкую, нужную для Родины работу.

Г Л А В А 2.

В кабинете Мюллера стоял сейф, в котором тот хранил дела на всех сотрудников Рейха. Он часто с любовью залезал в него за очередным делом, чтобы пополнить его, восстановить в памяти, просто полистать или привести в действие. Но последнее случалось редко, ибо Мюллер, как истинный коллекционер, не любил расставаться с делами своих подопечных. Сейфы с делами были почти у всех сотрудников рейха, кроме Штирлица, но такого обширного собрания сочинений не было ни у кого, даже у самого Кальтенбрунера. Это было маленькое и невинное хобби шефа гестапо. В его коллекции были Гиммлер, Геббельс, Шелленберг, Борман, Штирлиц и даже сам Кальтенбрунер.

Обергруппенфюрер сидел у камина и листал дело Бормана. Это

он начинал недовольно ворочаться и издавал громкие неприличные звуки. Два фронтовика, попивая шнапс у стойки, тихо разговаривали о событиях на Курской Дуге. Молоденький лейтенант в компании двух девушек подозрительной наружности громко распинался о том, какой он молодец, и как хорошо он стреляет из пистолета.

Штирлиц отпил из кружки большой глоток пива, поковырялся вилкой в банке тушенки и мутным пристальным взором оглядел окружающую действительность разлагающейся Германии, изредка задерживая взгляд на некоторых выдающихся подробностях снующих между столиками официанток.

- Какие сволочи эти русские,- неожиданно для всех сказал молоденький лейтенантик,- я бы их всех ставил через одного и стрелял по очереди.

В помещении воцарилась мертвая тишина. Все посмотрели на Штирлица. Штирлиц выплюнул кусок тушенки, встал, и, опрокинув по пути три столика, строевым шагом подошел к зарвавшемуся лейтенанту.

- Свинья фашистская,- процедил он и влепил лейтенанту поще-

чину.

- Простите, я не совсем понимаю... - пролепетал оторопевший

лейтенант.

Штирлиц вышел из себя и, схватив табуретку, обрушил ее на голову незадачливому лейтенанту. Лейтенант упал, и Штирлиц начал пинать его ногами.

- Я, русский разведчик Исаев, не позволю грязному немецкому псу оскорблять русского офицера.

Четверо эсэсовцев бросились разнимать дерущихся. Развеселившегося Штирлица оттащили от стонущего лейтенанта и, чтобы успокоить, предложили выпить за Родину, за Сталина.

- Да,- сказал Штирлиц, немного успокоившись. Он выпил кружку шнапса, рыжий эсэсовец с готовностью налил вторую. Штирлиц выпил еще, лейтенант стал ему неинтересен.

- Ну как же можно,- шепнул один из фронтовиков рыдающему лейтенанту,- при самом Штирлице говорить такое о русских, да еще и в таких выражениях! Я бы вас на его месте убил.

П Р Е Д И С Л О В И Е.

За окном шел снег и рота красноармейцев.
Иосиф Виссарионович отвернулся от окна и спросил:
- Товарищ Жуков, Вас еще не расстреляли?
- Нет, товарищ Сталин.
- Тогда дайте закурить.
Жуков покорно вздохнул, достал из правого кармана коробку "Казбека", и протянул ее Сталину. Покрошив несколько папирос в трубку, главнокомандующий задумчиво прикурил от протянутой спички.
Через десять минут он спросил:
- А как там дела на Западном фронте?
- Воюют,- просто ответил Жуков.
- А как чувствует себя товарищ Исаев?
- Ему трудно,- печально сказал Жуков.
- Это хорошо,- сказал Сталин,- у меня для него есть новое задание...
А за окном шел снег и рота красноармейцев.

Г Л А В А 1.

Низкий закопченый потолок кабачка "Три поросенка" был почти черным от сажи. Стены были изрисованы сценами из знаменитой сказки, в честь которой был назван кабачок. Кормили в кабачке не очень хорошо, поили еще хуже, но не это отпугивало его завсегдатаев. Отпугивало их другое. С недавних пор в кабачок повадился заглядывать штандартенфюрер СС фон Штирлиц.

Вот и сейчас он сидел у дальнего столика, заставленного едой на семерых, а бутылками на восьмерых. Штирлиц был один и никого не ждал. Иногда ему становилось скучно, и тогда он вытаскивал из кармана маузер с дарственной надписью "Чекисту Исаеву за освобождение Дальнего Востока от Феликса Эдмундовича Дзержинского" и с меткостью истинного ворошиловского стрелка расстреливал затаившихся по углам тараканов.

- Развели тут!- орал он.- Бардак!

И действительно, в кабачке был бардак.

Пол был залит дешевым вином, заплеван и завален окурками. Создавалось впечатление, что каждый считал своим долгом если не наблевать на пол, то хотя-бы плюнуть или что-нибудь пролить. То и дело, ступая по лужам и матерясь, проходили офицеры. За соседним столиком четверо эсэсовцев грязно приставали к смазливой официантке. Ей это нравилось, и она глупо хихикала. В углу, уткнувшись лицом в салат из кальмаров, валялся пьяный унтер-офицер без сапог, но в подтяжках. Итогда